

БИОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ЧЕЛОВЕКЕ КАК ЭФФЕКТ НЕВРОЗА НАВЯЗЧИВОСТИ

М. Э. Мтвралашвили

Европейский университет Санкт-Петербурга

Поступила в редакцию 25 мая 2024 г.

Аннотация: статья представляет из себя попытку соотнести биополитические представления о человеке и психоаналитическую клинику невроза навязчивости, которая, подобно биополитике, ориентирует себя на основательный контроль субъекта над своим желанием (*désir*), выражающимся не только в тревоге о безопасности д/Другого, но и посредством разного рода подсчетов, расчетов, нормативов, предписаний – симптомов, сутью которых являются торможение, откладывание и в конце концов недопущение желания.

Ключевые слова: человек биополитики, невроз навязчивости, психоанализ, философская антропология, М. Фуко, З. Фрейд, Ж. Лакан.

Abstract: the article is an attempt to correlate biopolitical representations on human and the psychoanalytic clinic of obsessional neurosis, which, like biopolitics, orients itself on the subject's thorough control over his desire (*désir*), expressed not only in anxiety about the safety of the o/Other; but also through various calculations, standards, prescriptions – symptoms, the essence of which is inhibition, postponing and eventually avoiding of desire.

Key words: human of biopolitics, obsessional neurosis, psychoanalysis, philosophical anthropology, M. Foucault, S. Freud, J. Lacan.

Биополитика и ее эффекты

Уже в Древней Греции можно найти главные темы биополитики, выражающиеся в тревоге о безопасности населения и контроле над ним. Как «Государство» Платона, так и «Политика» Аристотеля рассматривают вопросы о том, как необходимо регулировать и управлять городом-государством наиболее благим способом посредством частных в виде ухода за подрастающим поколением, здравоохранения, образования и т. д. Однако здесь же и наличествует главное отличие этих рассуждений от современного явления биополитики, поскольку основой биополитического оказывается не рассмотрение благ государства, выражающихся в устных договоренностях, держащихся на авторитете высказавшего закон, а посредством юридико-институциональных моделей политики, вокруг правовых установлений, контрактов, обязательств, прав, нормативов. Иными словами, в отличие от гражданина города-государства человек биополитики – это тот, кто находится в положении все большей вовлеченности в необъятно расширяющееся поле права.

К примеру, характерным явлением пандемии COVID-19 стала именно изоляция мест скопления людей, что и вызвало возмущение ввиду ограничений, от которых население уже давно отвыкло, представ в качестве чего-то странного. Практика, которая была уже давно всеми забыта, преодолена, именно потому что привычное биополитическое пространство, в противовес обществу дисциплины, с его властью закрытых пространств, наоборот, ориентирует себя прежде всего на открытость, инклюзивность, навязчивое требование включения субъекта в правовой порядок.

Важным в определении того, каким образом биополитика представляет себе человека, становится переход от суверенной власти к дисциплинарной в контексте заточения тел, где отныне тюремная камера заменяется клеткой паноптикума, которая, согласно Фуко, становится полной функциональной противоположностью тюрьме суверена. В то время как тюрьма суверена укрывает, скрывает, лишает яви, клетка паноптикума, наоборот, освещает, обнажает через присутствие постоянного взгляда надзирателя:

© Мтвралашвили М. Э., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

«Яркий свет и взгляд надзирателя пленят лучше, чем тьма, которая в конечном счете защищает заключенного. Видимость — ловушка» [1, с. 293]. При этом положении оптики фигура Надзирателя оказывается невидимой для заключенного в клетке паноптикума, зато у того, кто за ним наблюдает, доступ к обзору становится непреложным.

Собственно, именно здесь и начинается оформляться биовласть, которая, в отличие от дисциплинарной власти, задействовавшей насилие в отношении индивидуального тела, теперь предстает на уровне организации жизни уже целого «населения». Это население постоянно под угрозой, оно перманентно находится в тревоге перед риском встретиться с собственным вырождением. Ставя во главу угла вопрос производства и воспроизводства, население пребывает в опасности того, что этому способу наслаждения (*jouissance*) в любой момент могут положить конец [2, с. 257].

Фуко настойчиво указывает на воспитание культуры опасности, что становится отличительной чертой XIX в. и биополитики. На смену глобальным средневековым политическим и космологическим страхам о войне, чуме, смерти приходят тревоги о повседневных опасностях. Создаются сберегательные кассы, способные обезопасить благосостояние населения, проводятся гигиенические кампании, сексуальность превращается в угрозу вырождения населения, семей, расы, человека. Иначе говоря, человек биополитики — это тот, кто постоянно находится под угрозой своей биологической смерти, к воспрепятствованию которой повсеместно начинают внедряться механизмы наблюдения в виде контроля за безопасностью повседневных занятий населения, которое теперь становится объектом манипуляций по оптимизации, категоризации, нормализации, историзации [там же, с. 260], — короче говоря, всего того, что должно по своему замыслу смерть отвести.

Ж. Делёз, рассуждая о различии между обществом дисциплины и биополитикой, обращает внимание на то, что повсеместно начинает проявляться кризис закрытых пространств: пенитенциарной системы, медицины, производства, школы, семьи. Все эти пространства заменяются иным способом обхождения с телами: «“Контроль” — вот слово, которым Берроуз обозначает нового монстра, а Фуко видит в этом наше ближайшее будущее» [3, с. 203].

Невроз навязчивости

Прежде чем невроз навязчивости попал в поле зрения психоаналитиков, психиатрия XIX в. нашла место для классификации набора симптомов, который стали обозначать как «болезнь сомнений», «невроз навязчивых состояний», «неврастения», а также «психастения» [4, с. 69]. В первую очередь, этот фе-

номен был замечен психиатрами благодаря видимому, осязаемому симптому, известному своими неконтролируемыми повторениями какого-либо действия или проигрыванием навязчивых мыслей, с которыми психиатры делали попытки работать напрямую.

Психоаналитик школы Фрейда–Лакана С. Котэ указывает на то, что характерной чертой невроза навязчивости является навязчивое опасение, что расположенные на полках книги в библиотеке могут упасть кому-то из близких на голову [5, р. 64]. Используя эту краткую заметку, можно сказать о том, что речь идет скорее не о каком-то повторяющемся, неотвратимом физическом действии или мысленном помешательстве на чем-либо, но скорее о целой череде тревог, завязанных на проблематике заботы о безопасности д/Другого. В наиболее изученном случае субъекта навязчивости, «Человеке-крысе», Фрейд, производя анализ пациента, указывает прежде всего именно на этот симптом: «Основным содержанием его недуга являются опасения, что с двумя людьми, которых он очень любит, с отцом и некой дамой, которую он почитает, может что-то случиться» [6, с. 38].

В свою очередь, эта симптоматика обнаруживает измерение желания (*désir*), но желания, суть которого остается неузнанным и непризнанным, однако все же оставляя желающего с аффектом вины за его наличие. Примером снова может послужить случай Человека-крысы, когда он в день отъезда своей невесты споткнулся о лежащий на дороге камень. Его навязчиво не покидала мысль о необходимости перенести этот камень на обочину из-за фантазма о том, что, когда через несколько часов его невеста отправится в путь и ее карета поедет по этой же дороге, то, наехав на этот злополучный камень, она непременно получит повреждения. Тревога о здоровье возлюбленной заставила его убрать камень с дороги, но он тут же заметил, что все его манипуляции с этим камнем на самом деле абсурдны, бессмысленны. Наконец он вернулся и положил камень на прежнее место посреди дороги [там же, с. 60].

Навязчивые мысли, что зачастую и становятся причиной обращения в анализ, условно вторгающиеся, чуждые по отношению к невротическому навязчивости событиями, которые в действительности являются стремлением вернуть себе потерянный контроль над собой, ввиду чего становится очевидным, что его главное желание — желание защиты от опасности, имеющей свое происхождение в Другом. Сам факт наличия этого Другого как того, кто желает, а значит, и расщепляет, производит эффект неузнавания, и является угрозой потери контроля.

Имея намерение задушить, проконтролировать желание Другого, обсессивный не позволяет явиться своему собственному желанию. На другое обоснование конфликтности субъекта навязчивости с Другим

указывает психоаналитик Д. Руа, говоря о том, что Другой воспринимается им как тот, кто всегда что-то требует, но эти требования в конечном счете становятся призывом стать объектом исполнения, ничем, умереть [7, с. 118]. Именно отсюда берут свои начала свойственные этой клинике тревога и торможение.

Это же стремление избавиться от Другого связано с желанием быть в положении того, кто всегда начеку, быть хозяином положения, обрести контроль — обратная сторона отказа принимать во внимание все моменты или аспекты жизни, которые не поддаются учету, расчету и т. д. Когда в символической структуре жизни открывается скобка, ее необходимо заполнить означавшим, или, используя замечание другого психоаналитика А. Зенони о неврозе навязчивости: «Ничто не должно быть просто плодом случайности» [8, р. 147]. Иллюстрирующим примером опять же может выступить Человек-крыса, который, попав однажды в грозу, без какого-либо объяснения испытывал навязчивое требование считать «до сорока или пятидесяти» в промежутке между молнией и громом [6, с. 60].

В своих «Трех лекциях», посвященных неврозу навязчивости, психоаналитик Ч. Мельман отмечает, что стремление избежать разрывов связано с намерением отменить темпоральность, поскольку время ожидания неизбежно сталкивает субъекта навязчивости с самим измерением времени [9, р. 55]. Эта тревога, нашедшая себя во времени и попытке овладеть им, приводит к главному вопросу структуры невроза навязчивости. В том месте, где субъект истерии сомневается в своей половой принадлежности («Мужчина я или женщина?»), невротик навязчивости задается экзистенциальным вопросом: «Жив я или мертв?», — что одновременно отсылает и к беспокойству самой биополитики со свойственной ей тревогой о жизни. Поскольку главным вопросом невротика навязчивости является экзистенциальный вопрос о своей наличности, убеждение в своем существовании становится навязчивой затеей, находящей для себя ответ в действии, акте как чем-то созерцаемом, наглядном, отражающем то требование (*demande*), которое и адресует к нему Другой своим вопросом о существовании. Свидетельство в виде произведенного продукта должно будет обеспечить его имя статусом бессмертия, которое субъект навязчивости должен получить от Другого в виде дара-признания.

Ввиду сказанного встает вопрос о том, как с этим даром обходится тот, кто им может навязчивого одарить. Субъект навязчивости скрупулезно подсчитывает манипуляции, которые Другой осуществляет со своим даром. Дар функционирует как особая привилегия, выделение, указывающее на исключительность и исключенность того, кому он достается. Как замечает психоаналитик А. Смулянский, если этот дар, по

мнению навязчивого, расходуется неправильно, отдается не тому, кому следовало бы отдать, у него возникает тревога, которая должна была бы проявиться прежде всего у самого Другого, однако, вопреки всем ожиданиям, никакой тревоги он в Другом не обнаруживает [10, с. 74]. Возмущаясь произошедшим, не в силах ничего поделать, навязчивому не остается ничего иного, кроме как подбирать то, что Другой после себя оставил, продолжая воспроизводить эффекты торможения.

Биополитика как воспроизводство навязчивости

Фрейд неслучайно указывал на то, что невроз навязчивости является наиболее характерным симптомом культуры, и культуры его эпохи в особенности. Как бы то ни было, отдельные психоаналитики отмечают, что, несмотря на то что невроз навязчивости не получает того внимания, которое можно наблюдать у той же истерии, тем не менее, нет в современности более распространенного симптома, чем симптоматология невроза навязчивости. Стоит также добавить, что традиционно обсессия чаще всего ассоциируется с субъектом мужского пола, однако клиника настойчиво указывает на то, что частота его проявления у женщин в последнее время заметно возросла [11, р. 87–91].

Начать соотнесение биополитического представления о человеке и структуры невроза навязчивости можно с того, что в рамках психоаналитической теории именуется «экскрементальным объектом». В «Трех очерках по теории сексуальности» и отдельных работах, посвященных психосексуальному развитию, Фрейд обращает внимание на то, что первая ценность, дар, который требуют родители, и в частности мать, от ребенка, — это экскремент, который, благодаря самому факту события требования, оказывается вовлечен в отношения обмена, что и получит в конечном счете свое значение в означавшем-обмене, означавшем-власти к примеру, в деньгах [12, с. 93].

Фрейд многократно указывает на то, что невроз навязчивости и характерная для этого невроза фиксация на экскрементальном объекте является особенностью, свойственной именно субъектам мужского пола. Обосновывается это тем, что, сталкиваясь с анальной фазой, мальчик внезапно для себя узнает неприятную новость: «часть» его тела может в какой-то момент отделиться. Появляясь в качестве аналогии с фекалиями, что становятся перовой частью телесности, от которой он был вынужден отказаться, его половой орган также превращается в нечто, что можно отделить от тела. Немногим позже это событие отделения, потери будет снова воспроизведено на фаллической фазе, когда он обнаружит, что, оказывается, у девочек и женщин своего пениса нет. Именно посредством этих тактов «старое анальное

упрямство входит в структуру комплекса кастрации» [6, с. 133]. Проходя Эдипов комплекс, мальчик сталкивается с фигурой отца, который воплощает в себе кастратора, вечно угрожающего ему потерей, наподобие той, что произошла у женщин, оставляя его с тревогой о том, что же в таком случае станет с ним самим [13, с. 408].

В статье под названием «Анальная эротика» Фрейд описывал субъектов навязчивости как «аккуратных, бережливых, своенравных» [6, с. 25]. В свою очередь, капитализм обычно описывается как процесс, свойствами которого являются накопление и обмен детально подсчитанного наслаждения. Здесь же можно вспомнить и о том, что та же протестантская этика, появившаяся незадолго до нововременной науки, опознает человека, успешно практикующего накопление капитала, как того, кто носит метку Бога [14, с. 112]. Наслаждение накоплением и подсчет наслаждения, находящего свое детализированное проявление в капитале, неотделимо от биополитики как политики скопления жизни, что, опять же, указывает на черты, связанные с откладыванием, торможением, задержкой и тревогой перед жестом производительной траты, жестом, который именно из-за того, что он отныне воспринимается как утрата, становится всё чаще осуждаемым, если не сказать, запретным, в случае если он направлен на суверенность.

В «Безопасности, территории, населении» Фуко подходит к определению биополитики посредством указания на появление бесконечных законодательных мер, декретов, распоряжений, циркуляров, через которые вводятся механизмы безопасности, количество которых уже не поддается подсчету [15, с. 21]. Также он связывает биополитические тенденции с либерализмом, описывая его как определенную игру, которая, с одной стороны, позволяет людям действовать, идти вещам своим чередом, но параллельно с этой политикой невмешательства существуют ровно обратные «процессы закупоривания, ведущие к тому, что механизмы, производящие свободу, призванные упрочивать и производить эту свободу, на деле будут порождать разрушительные эффекты, превосходящие даже то, что они производят» [14, с. 93]. По этой же причине иным определением человека биополитического пространства оказывается фигура *homo oeconomicus* – как того, кто в высшей степени управляем [там же, с. 338].

Другим характерным намерением биополитики становится тезис о том, что «переход от дисциплинарного (общества) к безопасности имеет непосредственной целью – и целью, конечно, очевидной, явной – покончить с функционированием общества в режиме постоянно повторяющихся призывов повелителя, а также монотонной настойчивости власти. Он дол-

жен привести к состоянию без власти и повелителя: этой власти и этого повелителя, каким является Бог» [15, с. 87].

В случае если субъект захочет подорвать или избавиться от желания Другого, то шаг, который он начнет предпринимать на политическом уровне, будет выглядеть именно так, как его и описал Фуко. Иначе говоря, Другой, что устанавливал все это время Закон, требовал от субъекта жертвовать своим желанием, начинает рассматриваться в качестве того, кто является причиной своей собственной ограниченности. Именно против Его желания, оформившегося в Законах, направлены философские социально-критические работы, именно за Ним подбирают тревогу в месте его господского расточительства, когда отождествляют себя с фигурой общественного критика.

Каковой оказывается контрмера против этого Другого как Законодателя-Бога? «Для просвещения требуется только свобода» высказывание Канта указывает на означающее, что должно стать ответом на Его безосновательное требование [16, с. 32]. Долгом человека становится необходимость освободиться от существующих Законов, но для того чтобы это осуществилось, должен погибнуть тот, кто эти Законы и установил, подобно тому, как это и описал Фрейд в мифе о первобытной орде. Стоит подчеркнуть, что это освобождение прокламируется не кем иным, как картезианским субъектом, чье понятие «Я» также становится местом освобождения посредством «усиления», «расширения» сознания: приятная иллюзия, ставшая доступной благодаря новейшим научным открытиям, которые начинают низвергать привычные ценности космоса, общества власти суверена. Ответом на Его власть, на Его желание, выраженное в Законе, становится дискурс, в центре которого устанавливается ценность свободы, однако чем является эта политическая свобода для психоаналитика? Лакан указывает на следующее: «“Бог мертв” – что это как не попытка найти убежище от кастрации?» [17, с. 35]. То, на что направлены все манипуляции с «усилением», «расширением», «взрослением» человека и его Я, то, во имя чего функционирует дискурс, в центре которого оказывается ценность свободы, – это всё та же попытка прикрыть собственную кастрацию и подорвать желание Другого, попутно провозглашая свободу от него.

Вместе с тем, имея целью получить свое освобождение, человек биополитики раз за разом как будто приходит к еще большему закреплению. Подозрительным примером такого парадокса может послужить перемена в функционировании фигуры Другого: «Наблюдатель не имеет тела, ибо подлинное действие Паноптикума заключается в том, что, когда в нем никого нет, индивид в камере не просто думает, но знает, что за ним наблюдают, претерпевает постоян-

ный опыт нахождения в поле видимости, под взглядом, – а есть кто-то в центральной камере или нет, неважно». Далее в тексте Фуко добавляет: «В конце концов этот маяк может быть совершенно пустым, и это не мешает власти действовать» [18, с. 96].

Фигура повелителя-Бога, или Отца, если привнести психоаналитическую оптику в его Воображаемом выражении, отныне оказывается в своей сущности запретной, ввиду того, что само ее присутствие обозначает несвободу человека, однако, как видно на примере Наблюдателя Паноптикума, сама эта фигура по-прежнему остается на месте. Более того, претерпев изменения, Другой абстрагируется и идеализируется сильнее прежнего, и через эту абстрагированность он приобретает вид, значительно более угрожающий ввиду своего уже повсеместного, всепроникающего присутствия.

Вместо того чтобы сойти со сцены, перестать играть важную роль, как на то надеялся и надеется эмансипационный дискурс Просвещения, с фигурой Другого-отца происходит нечто если не противоположное, то весьма похожее на противоположность: он обретает власть в еще более распространенном, символическом «виде», и эта инфляция данной фигуры в Символическом и является не чем иным, как новым требованием сверх-я. На место Другого-отца как суверена, требующего признания своего авторитета, заступает бог третьего сословия Другой-бюрократ, или Другой-бухгалтер, именно к нему направляются все отчеты, выписки, подсчеты, расчеты, о которых упоминал Фуко, описывая властную структуру биополитики, объекты, играющие роль регистраторов подвигов, за которые субъект должен получить свое признание. В этих новых отношениях с Другим ничего не должно быть забыто, все должно быть учтено, удержано в символическом поле, что, к слову, заметно отличает клинику невроза навязчивости от клиники истерии, где вытеснение работает именно как забывание, амнезия как возможность отпустить.

Подобно невротике навязчивости, который ориентирует себя на управление собой, на самообоснование, на случайные события, которые отныне должны оказаться под контролем, тормозиться, а в конечном итоге и обездвигаться, биовласть производит симптомы obsessions, что должны покончить с тем, что оказывается неподконтрольным ввести нормативность, включить в право и покончить с желанием Другого-суверена. В отличие от дисциплинарного общества подавление, вытеснение которого выражалось в запрете, демонстративной цензуре, биополитика организует требование таким образом, что на место запрета ставится предписание наслаждаться производством. Нелишним будет упомянуть и работу Маркузе [19, с. 251–516], что обозначил подобного

человека в качестве «одномерного», основной obsessions которого и становится именно производство.

Примечательно, что типичной жалобой невротика навязчивости, что оказывается на кушетке аналитика, является жалоба на свою недостаточную производительность, что он где-то ленится, прокрастинирует, тормозит. Эта жалоба оказывается завязана на требовании сверх-я, проявляя себя в императиве, который условно можно обозначить как «делай!», однако, как показывает клиника, сколько бы навязчивый ни прилагал усилий, степень удовлетворенности от проделанной работы всегда будет недостаточной, что в конечном счете и приведет его к вине за собственную лень, к потере отдыха как наказанию за недостаточность проделанной работы. В итоге назначенный праздник отменяется или откладывается, а сам субъект навязчивости обнаруживает себя в положении безвыходности, неопределенности, между состоянием отсутствия отдыха и усталостью перед работой, что хочется сделать, но которую оказывается невозможным выполнить.

Другой биополитики – это не просто Другой-бюрократ, но это Другой-Бюрократ, что постоянно сомневается в достоверности присылаемых ему отчетов. Под сомнение ставится сама чистоплотность того, кто эти отчеты присылает. Поэтому человек в рамках биовласти – это тот, кто должен отбывать наказание за свершенное преступление, о котором тот ничего не знает, где бесконечные постановления и регуляции, нормативы правового поля, что призваны привнести безопасность в жизнь другого, вместе с тем параллельно рассматривают его в роли потенциального преступника.

В случае Человека-крысы Фрейд пишет следующее: «Можно сказать, что человек, страдающий от навязчивостей и запретов, ведет себя так, как будто над ним довлеет сознание вины, о которой он, правда, ничего не знает, то есть бессознательное сознание вины, если так можно выразиться при всей нескладности подобного соседства слов» [6, с. 18–19]. Эрнст Ланцер (настоящее имя) не знает, почему он постоянно чувствует себя преступником, однако зачастую он приходил к другу для того, чтобы задать ему вопрос: «не презирает ли тот его как преступника?» [там же, с. 39]. В конце концов, можно вспомнить пророческие слова, которые произнес его отец в момент раздора, когда Человек-крыса был еще совсем ребенком: «Малыш станет либо великим человеком, либо великим преступником» [там же, с. 72].

«Свобода», как господское означающее Просвещения, должно спасти от нехватки, приводит человека в камеру того самого Паноптикона, что был столь подробно описан Фуко, однако почему он все-таки чувствует себя преступником? Как и в случае с Человеком-крысой, речь идет не только об избытии зако-

нов и регуляций, что маркируют собой запретное желание, но и об убийстве. Торжество по поводу смерти Бога, ослабления авторитета отца было преждевременным, поскольку то, что появляется после свержения любого рода суверенов и упадка их символической власти, — это не просто избавление от тирании, благая встреча со свободой, равенством, но все более навязчивая, обязательная, требующая изнанка символического Отца, возврат вытесненного в виде сверх-я, чье правление еще более неподатливо.

Было бы опрометчиво полностью отождествлять структуру Человека-крысы с тем, как биополитика представляет себе человека, тем более что в последней немало и истерии. Собственно, даже идеалы просвещения: *Liberté, Égalité, Fraternité* — являются женственными этическими идеалами, отсылающими к истерическому желанию, при котором другой, «такой же, как и я», должен обладать безусловной любовью. Тем не менее структурным выражением того, как биовласть обходится с объектом своих манипуляций населением, при котором попытки занять место суверена будут встречены с осуждением, где беспокойство о безопасности другого является обоснованием все новых регуляций, где, в конце концов наслаждение прежде всего являет себя в стремлении к накоплению капитала, спаянного с господским означающим университетского дискурса знанием, которое, к слову, также ориентирует себя на накопление, по-прежнему остаются симптомами свойственными именно неврозу навязчивости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. под ред. И. Борисовой. М. : Ad Morginem, 1999.
2. Фуко М. Нужно защищать общество : курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году / пер. с фр. Е. А. Самарской. СПб. : Наука, 2005. 260 с.
3. Делёз Ж. Общество контроля. Опустошитель // *Umwelt*. 2016. № 19. 203 с.
4. Свядоц А. Неврозы : руководство для врачей. СПб. : Питер, 1998. 69 с.
5. Cottet S. À propos de la névrose obsessionnelle féminine // *La Cause freudienne* 2007/3 N°67, 2017. P. 63–74.
6. Фрейд З. Собр. соч. : в 10 т. / пер. с нем. А. М. Боконикова. М. : Фирма СТД, 2006. Т. 7 : Заметки об одном случае невроза навязчивости.
7. Руа Д. Истерия и навязчивость / пер. с фр. Н. Челышевой // *Московский психотерапевтический журнал*. 2004. № 3. С. 118.
8. Zenoni, A. Le plus-de-jouir dans la névrose obsessionnelle. Paris : *La Cause freudienne* 2008/3, № 70. P. 143–154.
9. Melman C. Trois leçons sur la névrose obsessionnelle. Paris : *Le Bulletin Freudien* N° 8, 1987. P. 55.
10. Смулянский А. Желание одержимого : невроз навязчивости в лакановской теории. СПб. : Алетейя, 2021. 74 с.
11. Vanier, A. Aujourd'hui, la névrose obsessionnelle. Paris : *L'évolution psychiatrique* 70. 2005, P. 87–91.
12. Фрейд З. Собр. соч. : в 10 т. / пер. с нем. А. М. Боконикова. М. : Фирма СТД, 2006. Т. 5 : Три очерка по теории сексуальности. 93 с.
13. Лакан Ж. Семинары / пер. с фр. А. Черноглазова. М. : Гнозис : Логос, 2002. Кн. 5: Образование бессознательного (1957/1958). 470 с.
14. Фуко М. Рождение биополитики : цикл лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году / пер. на рус., А. В. Дьякова. 172 с.
15. Фуко М. Безопасность, территория, население : курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году / пер. с фр. Н. В. Суслова. СПб. : Наука, 2011. 21 с.
16. Кант И. Собр. соч. : в 8 т. / пер. с нем. И. А. Шапиро. Калининград : Чоро, 1994 : Т. 8 : Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане. 32 с.
17. Лакан, Ж. Семинары. / пер. с фр. А. Черноглазова. М. : Гнозис, 2004. Кн. 11 : Четыре основные понятия психоанализа (1964). 35 с.
18. Фуко М. Психиатрическая власть : курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973–1974 учебном году / пер. с фр. А. В. Шестакова. СПб. : Наука, 2007. 96 с.
19. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек : исследование идеологии развитого индустриального общества / пер. с англ. А. А. Юдина. М. : АСТ, 2003. 516 с.

Европейский университет Санкт-Петербурга
Мтвралашвили М. Э., аспирант Центра практической философии «Стасис»
E-mail: mikhail.mtvralashvili@gmail.com

European University at Saint Petersburg
Mtvralashvili M. E., Post-graduate Student of the Stasis center for Practical Philosophy
E-mail: mikhail.mtvralashvili@gmail.com